

ВАЛЕРИЙ ИСАЕВ

БАРС

ГЛАВЫ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

*...войны Олега и Святослава и даже
удельные усобицы — разве это не та
жизнь, полная кипучего брожения пыл-
кой и бесцельной деятельности, кото-
рой отличается юность всех народов?*

А. С. Пушкин

1

Пришлось это как раз на то время, когда берёза выбрасывает свой третий лист. На излоге Перуньей горы двое — парень и девушка. Горячи думки девушки. Жарки мысли юноши.

— Если ты сейчас думаешь о том же, о чём я... То как же тебе не стыдно? — глядя в глаза своей любимой девушке Красаве, проговорил Али — стройный юноша, крепко державший её в своих объятиях посреди горной долины, усыпанной по излогам, увалам и взлобкам расцветшими буйным алым цветом маками.

В утренней дымке казалось, что и эти двое обнявшиеся, и сама алая долина будто висят в воздухе, парят над миром — совершенным и прекрасным, созданным исключительно для любви. Здесь всё — для влюблённых. Воздух,

ИСАЕВ Валерий Николаевич родился в 1941 году в Ленинграде. Окончил 1-й Ленинградский медицинский институт. Доктор медицинских наук, действительный член Академии медико-технических наук. Работал по профилю в Рубцовске (Алтай) и в Москве. Автор 12 книг прозы и 6 поэтических сборников. Среди них «Огонь плящий», «Первый и последний», «На краю». Лауреат премии Александра Невского. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

напоённый ароматами трав, чтобы не задохнуться от выпавшей для них обоих радости. Бурные говорливые потоки горных вод — чтобы весть об их любви прокатилась с пенящимися потоками и разнеслась бы по всему белому свету, потому что только вода не знает границ...

Али обнимает крепкими руками свою возлюбленную Красаву, и она не противится ему, наоборот — льнёт к его разгорячённому телу всё ближе, ближе и не сводит с него заворожённых глаз, почти не слышит, о чём он её спрашивает.

— А почему мне должно быть стыдно, а? Ты сам подумай, любимый?

И, откинув голову назад, перегнувшись через кольцо его крепких рук, она сперва шёпотом, а потом всё громче и громче, во весь голос, на весь белый свет:

— Мне нисколько не стыдно. Потому что я люблю тебя. Потому что я очень сильно люблю! Я — твоя невеста!

“Люблю. Люблю. Люблю... Невеста, веста...” — эхо будто играло с понравившимися ему словами, будто пересыпало с ладони на ладонь, не отпуская от себя...

Долина словно чаша, заполненная до краёв зарослями пахучего, сводящего с ума чабреца. Насыщенные ароматы порождали у счастливых молодых людей желание любить вечно и навсегда остаться в Долине Любви — так ласково называли её и русы, проживавшие ближе к заходу солнца, и хазары, что селились ближе к стороне восходящего солнца.

Наверное, потому и были такими красивыми, крепкими и здоровыми люди с обеих сторон: русы и хазары, что единым местом для тех и других, где зарождалась новая жизнь, была Долина Любви.

— А как будут выглядеть заросли чабреца — этой чудо-травы, если смотреть на них не сверху вниз, а снизу вверх, с самой земли — уютной и мягкой, как постель?

— Хочешь увидеть?

— Да!

Любовь стоит над миром, и какое её дело, что Красава — язычница, из белых, самых что ни на есть белых русов. А Али — мусульманин... из самого что ни на есть чёрного хазарского Каганата.

...Расставались как всегда: вначале Али провожал свою Красаву до ворот её дома. Внушительного и по всем приметам богатого: через тяжёлые, добротные плетни и остроконечные частоколы ладного тына доносились тяжкие вздохи пришедших уже к тому времени с пастбищ нескольких коров; шараханья по хлеву пугливых, переполошенно бляевших ни с того ни с сего овец; журчание умиротворённых голосов гусиных и утиных выводков; всхлипывания спящих обожравшихся кабанов. Словом, было в доме родителей Красавы чем заняться, о чём похлопотать. Сено гарнуть, травы нажать, домой принести; шкуру надёргать, квашенки — кадучки для будущего ржаного хлеба повымыть, приготовить мятево для дворовой птицы, воды наносить, пёхтать сливки, чтоб масло было... Да мало ли что в крестьянском дворе не сделано — всего и не переделаешь!

Но родители уважали выбор своей дочери, ставшей с недавних пор настоящей невестой. “Пусть погуляет. Нароботается ещё. Пусть!” Сами были молодыми и ещё хорошо помнили, какие тропки ведут быстрее всего в Долину Любви. А заполучить в мужья, а, стало быть, в помощники такого парня, как красавец Али, куда важнее, чем заставить дочь сбивать масло в кувшине.

Понимали это и в доме Али. И не принуждали молодого сына к работе по хозяйству. Брала его долю труда на себя, понимали — скоро вместо одного работника в доме могут появиться двое... Так что стоило предоставить им на какое-то время полную свободу. Пусть налюбуются друг на друга, нарадуются — потом не будет времени бегать в горы на маковые дуга.

Они уже стали расходиться, беспрестанно озираясь и помахивая друг другу руками и обмениваясь только им одним понятными знаками. Но вдруг направлявшаяся к воротам, к калитке Красава срывалась с места и бежала в объятия Али:

— Теперь я тебя провожу. Теперь я!

У дома Али всё выходило наоборот.

Закат уже терял краски на своём пути к ночи. Полная луна выскочила чуть ли не на самый верх ночного неба. Многочисленные звёзды — одна крупнее, ярче другой. Всё шло своим чередом в природе, близилась ночь, и только эти двое, нарушая порядок, никак не могли расстаться.

2

Княгиня русов Ольга всякого на своём веку успела повидать, всякого хлебнуть — и радостного, и горького.

Одетая в роскошную багряницу, в аксамитовой накидке с ворсом из золотых нитей, в расшитом мелким жемчугом нагруднике, она расхаживала в сафьяновых черевичках по палатам княжеского дворца. Шаги крупные, выдают её крайнюю взволнованность. Нет покоя рукам: так и бродят вокруг её тела, как будто и не свои — чужие, не привыкшие ещё к ней, а она — к ним; вот прилаживаются у лба, вот уже у пылающих щёк, вот потирают одна другую. Нет покоя рукам, нет покоя и мыслям. Даже громкие голоса из распахнутого окна — кто-то костерит кого-то из дворовой челяди, — не отвлекают её от раздумий.

Княгиня Ольга ожидала прихода воевод, бояр и старших дружинников, с которыми собиралась повести важный, может быть, даже важнейший разговор за последнее десятилетие её правления. Ещё бы! Всё в её жизни устроивалось как бы само собой. Были (какие-то короткое время сразу после смерти мужа) и растерянность, и неопределённость. Но ведь Игорь сам виноват в своей смерти. Сам! Хотя как объяснишь людям, что не его вина была в том, что поганые хазары подняли объём дани до невиданных размеров, что не “жадный” он, как о нём пустили слухи. Князь Игорь вынужден был пойти на то, чтобы собрать дополнительную дань с тех, у кого уже взял её. И первыми на этом втором круте оказались обидчивые древляне и их проклятый князь Мал.

Все так и думали, и она в том числе, что сам. Сам! Её король, конунг, правитель каждой клеточки её тела. Да что её! Всей Руси. Но вот поди переубеди людей, которые не хотят услышать слова правды. Не хотят. А как решили, что “жадный”, так и пошло гулять в людях то обидное, несправедливое слово рядом с именем великого князя.

Князь Игорь — этот король Киммерийского Босфора, держал под своей властной десницей всё передвижение по Днепру, проходы в Крым из степей. Князь Игорь после двух своих предшественников великих князей Олегов совершил два похода на Царь-град, заключил с Византией выгодный мир, и поэтому укрепились западные карпатские границы Руси, приумножились угрозы со стороны бесноватых венгров. Князь Игорь страстно желал объединить славян, ругов и русов, полян и росов и много сделал для достижения этой святой цели. От князя Игоря, которого обожала и изо всех сил принимала участие в его жизни, родила Ольга ему сына — наследника Святослава.

Теперь ей приходится управляться одной с таким огромным хозяйством, как нарождавшаяся русская держава. И ведь справляется с Божьей помощью, и не без успеха. Пусть не всё иной раз получается так, как хотелось бы: замучили своими непосильными поборами соседи-хазары — никак не может она справиться с ними, не всё выходит и с другими соседями — половцами, древлянами, печенегами. Хазары отрезали Русь от Великого шёлкового пути — очередная хитрая уловка Хазарского каганата.

И вдруг ни с того ни с сего поползли слухи, аки змеи вертлявые. Да со всех сторон, что не сам, что помогли Игорю уйти из жизни. И кто бы вы думали?

Здесь, в княжеском тереме, княгине Ольге казалось, что стоит она не на полах, посыпанных, как всегда в теремах русов, чистой золотистой соломой, а на мягкой шевелящейся земле, под которой переплелись в клубок эти злые змеи — слухи. Шевелятся, головы то тут, то там высовывают, оплетают со-

бой ножки белодубовых столов, высовывают свои головки над выскобленными добела столешницами, пугают. Не от того ли собиравшиеся на сходку воеводы поглядывают на неё не так, как всегда — без привычного подострастия, без всегдашнего преклонения и трудно скрываемого восторга. Ей всегда нравилось принимать невысказанные знаки внимания от таких сильных людей, как её воеводы. Эти крепкошение, прямоплечие люди нравились ей ещё и потому, что она чувствовала в каждом из них настоящих сильных мужчин. В их присутствии в ней просыпались ощущения памятные, ещё не остывшие до конца, которые она испытывала с трепетом и тайной радостью при виде своего мужа князя Игоря, так загадочно и неожиданно скончавшегося... Тяжко вдове без мужа, хоть и княгине самой. Наваливаются грустные мысли.

Главный воевода Свенельд перехватил Ольгин взгляд, подумал: “Да, рановато выпал из жизни Ольгин супруг — князь Игорь. Рановато...”

В залу входили воеводы, старшины, лучшие дружинники. Один крепче другого: Угрим, Путша, Радислав, Людот, Гридя...

Сын Святослав — явился последним. Чем-то, как всегда в последнее время, расстроен. Замкнут и отчуждён.

“Сколько он может избегать меня?” — следила за ним Ольга. О сыновней ласке и говорить не приходится. Их разговоры в последнее время превращались в скупое проговаривание — чуть ли не сквозь зубы — каких-то совершенно не тех слов. Он не то чтобы отбивался от рук, — он чуть ли не с презрением смотрел каждый раз на мать.

Свенельду — воспитателю Святослава с самого рождения — оставалось только успокаивать Ольгу, тяжело вздыхать, не таясь друг перед другом, поскольку Свенельд был больше, чем давний друг — он прошёл рядом с отцом княжича князем Игорем всю его боевую жизнь и поэтому считался членом княжеской семьи: перед ним ли княгине скрывать переполнявшие её чувства. Иногда Ольга, расстроенная вконец после разговора с сыном, спрятавшись ото всех, закрывала лицо руками, плечи её начинали подёргиваться в плаче. Ольга — в который раз! — пыталась понять: на каком перекрёстке жизни разошлись они в разные стороны. И возможно ли, что отношения их станут прежними, как при жизни князя Игоря?

Святослав, сидя среди воевод и бояр за грубо рубленным длинным дубовым столом, не слушал мать, то и дело переворачивал с боку на бок яркие воспоминания.

...Славление Триглава, каждую строчку которого, прочитанную волхвом, повторяли все, кто принимал участие в праздновании второго солнцеворота, или Купалы. Это было здорово, это было неповторимо и незабываемо, потому что всё впервые. Всё в новину.

Купалин день 23 кресеня на второй солнцеворот, на берегу Почайни в сельце, поименованном Березники, из-за множества растущих там берёз. Там ставили стойкой загодя срубленную берёзу — тем обозначали место гуляния праздника Купалы. Девушки припасали к тому часу и крепили к поясам травы-обереги: полынь, зверобой, крапиву, а потом украшали ту берёзу цветами и разноцветными тряпочными лоскутиками, себя же подпоясывали чернобельником. Выходило очень нарядно!

Сколько было смеха, радости в том нехитром деле — потому что, наверное, каждый знал, чем закончится праздник, и ждал, и не мог дожидаться самого главного — выбрать себе суженую, суженого. А там...

Особенно забавно было творить самого Ярилу с огромным детородным органом. Тут уж было шуток — не сосчитать. Готового Ярилу укладывали под наряженную берёзу и выставляли перед ним всякие угощения. Венки, травы-обереги, сложенные под Берёзой-красавицей, освящались водой и огнём волхвами.

Святослав стоит со всеми вместе в хороводе, крепко держит за руку давно приглянувшуюся ему с самого начала праздника девушку Малушу, ключницу великокняжеского дома, хазарянку. Кто кому первым попался на глаза, кто кого приворожил своим взглядом — кто ж про то знает! Пустили по кругу братину с хмельным напитком. Взыграла молодая кровь — ещё бы!

И без того пальцы, сплетённые в один кулак, было не разжать, а тут хмель запросил соединиться также накрепко не только руки, но и всё остальное. Как соблазнительны, как жарки якобы случайные (в хороводе же) столкновения тел!

Святослав впервые в своей жизни ощутил озноб необъяснимого восторга, окатывавшего его то ледяной, то горячей волнами. Сладкими были и раздававшиеся со всех сторон песни. Слышанные-переслышанные, теперь они всё больше и больше нравились княжичу. Всё было распрекрасным в тот памятный для него день. А озорные песельницы уже выводили на разные голоса:

*Во поле было,
Во поле стояла берёза.
Она ростом высока,
Листом широка...
Как под этой берёзой
Лежал Кострома.
Он убитый — неубитый
Да убрусом покрытый.
Девица-красавица
К нему подходила...*

А потом вдруг крики, вопли: “Ярило помер, Ярилы не стало...” Парни, пятясь назад, держали в руках чучело горящего Ярилы. Затем справляли по Яриле весёлые поминки — кушали яства, пошивали хмельное. Наевшись, напившись, гурьбой бежали к речке хоронить Ярилу.

Так и не выпуская рук друг друга, кажется, соединившихся навек, Святослав и Малуша бегут вместе со всеми. Боже, хорошо-то как! Хорошо, что много людей, много суетоки — это скрывает охвативший обоих трепет, нетерпеливую дрожь в теле, в руках и ногах.

Проводили “весну”. Стали встречать “лето”. Волхв творит зачин: “Разыдись темно, разгорись добро, засверкай светло Яри ясное, Солнце красное...” Ощущение горячего Солнца, смилостивившегося на уговоры, мольбы и просьбы. Ещё одной волной окатывало и тело, и души — на самом деле стало горячо. И от всеобщего веселья, и песен, и палившего во всю мощь солнца.

Княжич не выпускает руки Малуши из своей — держит крепко-накрепко, как Судьбу, потому что она, Малуша — его избранница на сегодня — и она здесь лучшая. Она лучше всех и нравится ему всё больше и больше. Ещё чуть-чуть, и не с кем будет её сравнивать.

Затем следовали восхваления Купале. Звучали громкие красивые слова, подогреваемые хмельным напитком, из праздничной бездонной чаши, а Святослав по-прежнему глаз не сводил со своей возлюбленной и был уверен, что нет на свете такой силы, которая смогла бы их разлучить.

“Гой, Купало красен, стань во небе ясен...”

И вместе со всеми и со своей ненаглядной Малушей княжич во всё горло, ото всей распалённой души:

“Гой Купале Сварожичу! Гой!”

Вот они, отдав требы и восславив в очередной раз божество, все как один обнажаются и идут к речке — купаться, сиречь “очищаться”. Святослав с Малушей не шли — они бежали, срывая на бегу свои одежды. В воду кидали цветы. Веночки. Освящённые травы. Обереги от русалок. Шум да гам стоит вокруг. Слышны голоса рожков и бубнов, трещётов да колокольцев.

Наконец-то не только трепещущие руки княжича и Малуши, но и их разгорячённые обнажённые тела обрели друг друга. А слева и справа — такие же распалённые страстью праздника, позволявшего всё на свете, молодые люди творили любовь в освящённой дарами Купале воде и не видели в том никакого греха.

...Об этом вспоминал княжич Святослав в покоях матери своей, правительницы Ольги.

Уже не в первый раз они встречались, не называя места встречи. “Если ты любишь меня — сердце твое всегда должно подсказать, где я нахожусь, и привести тебя ко мне. Конечно, если любишь...” — говорила Красава, заглядывая в глаза Али.

И вот сейчас она уверенными шагами шла к нему на очередное свидание. Она нисколько не сомневалась, что там — на чистом от зарослей островке посреди Долины Любви, рядом со скалой Даждьбога — она встретит своего суженого.

Но на этот раз, дойдя до ставших им родными маков, она вдруг заметила, что все головки цветов, которые попадались ей на глаза, отворачивались от неё, будто боялись сообщить ей дурную весть, которую все остальные на земле уже успели узнать. Маки боятся сказать ей правду!

Сегодня она здесь одна. Одна!

Красава решительно зашагала, а потом и побежала стремительно из Долины Любви. И вот она, запыхавшаяся, у того самого места в зарослях чабреца, где ещё недавно они ласкали друг друга. Но и тут Али не было, а чабрец, примятый их телами, распрямился... В тот злополучный день Али впервые не пришёл к ней на свидание.

Сердце не стерпело — и вот Красава у дома любимого.

За слюдяными оконницами плотно зашторенные занавески. Дом переменялся даже внешне — будто неприступный за крепкими дверными запорами. Не было дыма из трубы, который, как всегда в это время, должен был струиться в небо. Раньше это означало, что вовсю идут приготовления к сытному ужину. Что в доме всегда рады гостям. Как ни приглядывалась к дому возлюбленного Красава, не могла разглядеть примет гостеприимства. Нахотлившийся в сумерках дом был похож на готовившуюся к битве крепость. Да не с нею ли?

...Али не мог говорить долго с любимой — на него были уставлены четыре пары неусыпных глаз — отца, матери, брата и сестры. Все они знали, что Красава так или иначе должна объявиться в их доме после того, что случилось с ними и с их несчастным народом: они больше не мусульмане, не турки, они иудеи — так решил за них сам каган! И горе тому, кто будет общаться с иноверцами!

А ещё сказал Али Красаве, что встречаться им теперь предстоит только тайно и только на “ничейной” земле, потому что их земля теперь особенная и ни в какие сравнения с землёй белой Руси не идёт, потому что их земли — поганые, потому что на них живут недостойные жить люди — гои.

Красава не стала докучать любимому расспросами. Придёт время, люди расскажут и про землю “ничейную”, и про поганых людей, населяющих её, и про несчастных гоев, которых она сразу пожалела. Ей важно было узнать, что возлюбленный по-прежнему её любит.

Али сказал, что даст ей знать о следующем их свидании и укажет место, где им предстоит встретиться. Но при этом десять раз повторил, что теперь надо будет встречаться исключительно тайно. Красава будто и не слышала эти пугавшие слова, продолжала любить своего Али как ни в чём не бывало.

— Хазары... — говорила Ольга-мать.

Святослав в это не вникал. Слушать материны речи не хотелось; разглядывал воевод за столом. Когда-то у воеводы Свенельда, своего воспитателя, Святослав спросил:

— А почему мы называемся “Русь”?

И Свенельд отвечал:

— Когда-то для варягов всё одно было: что вятич, что печенег, что кривич, что русич, что древлянин — лишь бы дань платили исправно и не отказывались бы от совместных набегов... Но всё-таки настал день, когда ва-

ряги оценили по достоинству русов... Пошло это от князя Олега Вещего, который собрал большущее войско из варягов, славян, чудь, кривичей, мери, древлян, радимичей, даже половцев... Да всех и не перечести! И двинулся на Царь-град. Осадил его и с моря, и с суши. Поставил корабли на колёса и по суше под ветер покати́л на кораблях на город. Тогда Олег и прибил к вратам Царь-града свой щит в знак полной победы над греками. А почему Русь? Да потому что русы, наверное, дрались в том страшном бою отважнее всех. Не зря же говорят, что первого русского воина родила псица — отсюда отчаянная смелость, сила и мощь русского воина...

— Мы — русы, — продолжал рассказывать Снеveld, — потеснили тогда берсерков, опоенных отравками воинов, не знавших ни боли ни страха. Тем было всё равно, кого разить мечом ли, кинжалом ли, лишь бы пущенная кровь будоражила сознание. Да и пророчества волхвов-русов оказались самыми точными — это тоже было оценено варягами по достоинству. Потому на вопрос к ромеям: “Кто вас так отколошматил?”, те отвечали: “Русь! Какое-то северное племя. Не приведи, Боже, встретиться с ними ещё раз”.

— Хорошо! — восклицал восторженно Святослав.

— Гордые русы возвращались тогда домой в родные земли под шёлковыми червлёными парусами, которые сшили им поверженные ромеи. Остальные воины — поляне, древляне, дулебы и прочие — шли домой под парусами из обычного полотна. И тут выделились русы! Так что ты можешь гордиться своими предками. Ты должен оправдывать это славное имя, родившееся на поле брани, где Русь одержала победу над страшным врагом... И чаще поминай Перуна. Да больше благодари его, чем проси!

...Воевода Снеveld не только просвещал княжича, но и учил ратному делу. Как обезопасить себя от отравленных стрел, как изловить ползучего гада, как заставить его поделиться своим грозным оружием — ядом и как потом пустить этот яд в дело, предотвращая гибель свою и своих соратников.

А потом шли учения по тому, как держать щит, чтобы стрелы рассыпались по сторонам; как точить ножи, чтобы волос, положенный на остриё, сам на нём пластался надвое; как дышать через тростинку и оставаться под водой подолгу, обманывая обескураженного врага; как латать кольчугу; как посылать копьё с лошадиного крупа и попадать в кольцо; как ни есть, ни пить и день, и два; как зализывать по-звериному раны. Многому научился Святослав у воеводы. А предстояло ещё сколкому научиться: драться с разным диким зверьём, идти одному на медведя, заламывать хребты огромным лесам, чтобы не умереть с голоду в лесных чащах.

— Хазары... — всё настойчивее призывал княжича материн голос.

“Ну что она все обо одном и том же — дались ей эти хазары!” — Святослав холодно поглядывал в сторону говорившей матери.

А Ольга продолжала — о Хазарском каганате. О том, какими последствиями для всех соседних с ним каганатов, в том числе русского, “белого” — может обернуться принятие хазарскими тюрками да мусульманами иудейской веры. Эта вера ворвалась в пределы Хазарии, как лис в курятник, и давай там наводит новые порядки в ущерб и во зло ближайшим соседям — то бишь русам. И подати давай увеличивать без меры и правды, и перекрывать Шёлковый путь, баловавший людей разными восточными яствами, одеждами и украшениями жилищ. Всё оказалось в руках хазар, повсюду стоят с протянутой рукой для получения мзды. А ещё — набег на поселения русов, сопровождающиеся унижениями, глумлением, куражом.

5

Ольга уже знала: вот этот — христианин, вот этот или вон та — язычник или язычница, как она сама. И разница состояла в том, что первые шагали по земле намного увереннее, с твёрдым осознанием своего следующего шага. Чего нельзя было разглядеть на лицах единоверцев — они были скованнее, в глазах их постоянно присутствовала растерянность. И во всём их облике не было сопровождавшего христиан радостного подъёма. Христиане

излучали завидную радость, они как бы говорили: нам хорошо, потому что нам известно, как надо жить на этом свете, нам остаётся только следовать этим правилам, только следовать! А вам — людям языческой Руси — приходится принимать скороспелые решения, потому что никто вас правдой мира не вооружил...

Христиане при своих знаниях о жизни, сложенных из личного опыта и умноженных на опыт книжный, заимствованный у многочисленных мудрецов — тем не менее, сохраняли в отношениях с язычниками снисходительность, но не ту — идущую сверху, которая чаще всего презрительна и высокомерна, потому что “сверху”, и которая унижает, отвергает и отчуждает. Нет! Эта подкупающая и завораживавшая снисходительность даже и не предполагала какого-то бы ни было высокомерия и занудного, уничижительного поучительства.

Ольга не могла скрыть своего восхищённого отношения к приверженцам новой веры.

Вот и этот, в длиннополой одежде, со смиренно сложенными на груди руками и чистым взором, привлёк к себе внимание Ольги. Длинные волосы свисали из-под скуфьи до самых плеч. В облике его было что-то виноватое: он как будто всем своим видом просил: “Ну простите вы меня, люди”. Этот странный человек то и дело нащёптывал что-то себе под нос и с интересом разглядывал толпу, а толпа разглядывала его. Кто он такой? Зачем пришёл к ним? Из каких краёв? Что принёс с собой — радость или слёзы? Добро ли, зло?

И чтобы первым эдакое чудо открылось ей, Ольга подошла к нему, взяла осторожненько под локоть, заговорила:

— Ты ведь христианин, не правда ли?

— Да. А откуда ты узнала? — ответил тот.

— По твоим счастливым глазам...

— Завидуешь?

— Завидую.

— Хочешь обладать таким же счастьем?

— Ещё бы! Только как этого добиться?

— Да добиваться, по сути, ничего и не надо. Просто надо почувствовать себя счастливым — вот и всё. Да! Не удивляйся. Ведь Господь ничего другого, кроме беспредельной радости, и не мог предложить человеку. Это уж мы сами обвешались разными заботами и не знаем, как из них выбраться. А человек предназначен для счастливого существования; он — любимейшее создание Бога. Не мог же Бог посылать сына, любимца своего, на страдания и мучения, чтобы тот принял на себя все человеческие муки. Зачем же мы придумываем себе испытания, которые нам не ниспосланы, которые нами же и придуманы? Христианская вера выручает заблудших и даёт наставления на каждый шаг к спасению. Соблюдай написанное в Святом писании, молись Господу — и станешь счастливой, как все христиане.

Странник произвёл на княгиню неизгладимое впечатление своим смиренным и улыбчивым видом, готовностью ответить почти на все вопросы, которые она ему задавала. Признавался, что на некоторые из них ответа у него пока нет, но, уверял, что обратится непременно к священным книгам, в первую очередь к евангелию, и обязательно отыщет необходимый для неё ответ. Честность собеседника подкупала.

Ей было жаль, что он так быстро покинул её, перекрестив напоследок и вручив ей в подарок небольшую иконку и книгу, с которой во всё время их разговора не расставался ни на минуту. “Не уходил бы этот странник. Так бы и жил в хоромах. Я бы кормила его и ухаживала за ним, как за ребёнком”... Странник производил впечатление слишком рано созревшего и наполненного мудростью очаровательного дитя.

Перебирая цепкой памятью всё, о чём говорил странник, Ольга особенно выделяла для себя:

— Не ты одна такая. Не ты одна так неистово тянешься к новой прекрасной вере. Целые народы как будто просыпаются ото сна, прозревают и меняют свою веру, с которой им придётся жить, может быть, столетиями...

Чего далеко ходить. Соседняя с вами Хазария — мусульмане, тюрки, язычники — такими они были в веках, а вот со дня на день поменяют свою веру. Трудно сказать, на какую, но поменяют. Пригласили для этого представителей разных вероисповеданий, чтобы устроить что-то вроде спора: какая лучше из тех, что есть уже в мире, какая победит? Правда, очень смущает то, что последнее слово будет за инородцами, за иудейской общиной, которая после провалившегося восстания последователей Маздака собралась наконец в несчастной Хазарии.

— А почему в Хазарии, а не где-нибудь ещё? — встала княгиня.

— Излишняя доверчивость и всепрощение — слабость великих империй. Это идёт от широты, неохватности имперского мышления, которое порой и не замечает мелочей, способных сыграть в их судьбе роковую роль. На мой взгляд, тут именно тот случай. Многоязыкая великая Хазария переоценила свою непоколебимость, незыблемость и твёрдость основ. Этим и воспользовались вероломные иудеи. Правда, чтобы не выглядело всё это вызывающе, решили придать всему этому перевороту вид открытого соперничества. Якобы тюркам и мусульманам-хазарам была предоставлена возможность самим выбрать веру. Это хитрый ход, чтобы придать своему вторжению благоприятный вид. От случая к случаю народу показывают бывшего правителя — дескать, в стране ничего не поменялось — вот ваш царь... А за его спиной делают, что им заблагорассудится. Вот какие дела творятся в мире...

И ещё запомнился княгине Ольге ответ странника на её вопрос:

— Так ли ласково принимают тебя в иных местах иные народы?

— Бывает, и бьют, швыряют в меня камнями. Всяко бывает. Всякое случается. Но милостью Божию жив пока. Жив!

— Храни тебя Господь!

Ольга взглянула на стол, на котором лежала иконка и на ней нателный крестик на суровой нитке. Это оставил ей странник. Она поспешила надеть крестик на себя и испытала при этом трепетное волнение. Это радостное чувство она сама и поименовала — благодать! Но странник предупредил её, что окрестить её он прав не имеет, нет у него такого чина, чтобы крестить княгиню. “Да и молиться некрещёной нельзя. Грех это...”

Оставляя икону, странник напутствовал Ольге:

— Икона — то же окно, но не в тварный привычный мир, который мы зрим через сподяную оконницу, а в мир духовный — мир Божий. Надо научиться видеть в этом мире так же ясно, как в привычном — всё до мелочей. А в нём есть на что посмотреть, чем полюбоваться.

...Когда Ольга держала восковую свечу в трепещущей руке, услышала за спиной лёгкий шум. Обрнувшись, прервав молитву, увидела в проёме двери Святослава. Во всём облике — удивление и страх...

Потом сын бросился прочь от Ольги.

6

Святослав не скрывал, что ехать с матерью в Константинополь не хочет. Вот и во время их последнего разговора глядел на Ольгу дерзко, вёл себя вызывающе. Казалось, в нём окончательно созрело неприятие материнской правды, которой они противопоставлял свою... Накануне отъезда и вовсе пропал.

Долго искали его. Нашёлся же княжич в языческом храме — деревянном, украшенном с лицевой стены резными и лепными изображениями людей, птиц и зверей. Выделялась среди прочих фигура бегущего барса. Длинноногого, целеустремлённого, поднявшего переднюю лапу то ли для приветствия, то ли для устрашения. Кто его знает! На то он и барс — самый распространённый в те времена зверь на орнаментах, словно бы олицетворяющий суть времени.

Барс никогда не рычит, не суетится, но, если надо, сумеет достойно постоять за себя. Отличный образец для подражания. Такими и видели люди своих героев. С таких барсов и брали пример... Изображениями их украшали храмы и капища, жилища и походные шатры. Изображение барса сопровождало русов на каждом шагу — на колтах, на браслетах, на подвесах, на

лунницах. А ещё — барс в дереве, в камне или на холстах издревне олицетворял богатство, нажитое честным трудом, и справедливую силу.

Княжич стоял перед входом в храм. В это время солнце, вышедшее из-за облака, высветило фигуру барса, вырезанного в дереве над входом. Святослав поймал себя на мысли, что, глядя в барса, он стремится и перенимает солнечный образ зверя... С этой минуты Святослав и сам — барс! Вот он сгибает спину, делает её упругой, пружинящей, готовой в любую секунду расправить тело в стремительном прыжке. Вот он ощущает, как наливаются невероятной силой руки, преобразаясь в могучие, когтистые лапы, способные нанести смертельный удар. Ему даже страшно стало взглянуть на собственную руку — не волосатая ли, не когтистая? Святослав чувствовал, что не только станет настоящим барсом, он угадывал наперед свою жизнь, свою судьбу.

По всем четырём углам храма стояли мраморные изваяния прекрасных человеческих тел. Лица их, то скорбные, то радостные, но всегда возвышенные, как бы вобрали в себя — если скорбь, то вселенскую, если радость, то одну на всех, если глубокомыслие, то бездонное. Стены храма были свободны от изображений, но были сооружены так умело, так мастерски, что сами по себе вызывали к себе восторженное отношение в очарованных людских душах: дерево подбиралось для строительства храмов самое лучшее, мастера привлекались для их возведения самые умелые — такие, которые заставляли дерево разговаривать, даже петь...

Не каждый день отправлялся юный княжич в такое длительное и небезопасное путешествие — в Византию. Поэтому в утро этого дня твёрдо знал, куда отправится перед отплытием.

Святослав помнил, как в первый раз отец вёл его на Верхнекиевскую горку, к “нашим родным богам”. Говорил: “Никогда не предавай их. Не обмани. Они доверчивые, как дети. Это так удивительно — самые сильные, оказывается, могут быть самыми слабыми — настоящими детьми. Во всём и всегда доверяй им — они не подведут, сынок. Не сторонись их, не чурайся. Человек не может жить без доброго советчика. Береги их. Береги!”

И вот пришло время позаботиться о них — о богах. Отца в живых нет. Мать предала их богов и переметнулась к новой, христианской вере, той самой, со страшным распятием, с мертвецом на кресте.

Так сделала не одна его мать — многие; но какое ему, Святославу, дело до этих “многих”, ему важнее всего, что родная мать предала память отца.

Юный Святослав переходил от одного деревянного изваяния к другому. Все они были знакомы ему каждой трещинкой, каждой горбинкой на деревянных телах, каждой прибавлявшейся морщинкой на их немолодых лицах. Всё ему здесь знакомо до мелочей — он провёл здесь с отцом и после его смерти много часов. Он испытывал радость, которая каждый раз длилась всё дольше и дольше, и всё больше его тянуло на свидания с высшими и в то же время близкими, почти живыми существами.

Тому же учил его и дядька Асмунд в глухих северских хуторках, в непролазных лесных крепях. Туда, к кормилицу-дядьке под Новгород был послан юный Святослав на суровое северное воспитание. Подальше от глаз людских, от соблазнов и искушений. То воспитание только укрепило его ещё больше в преданности и верности языческим богам.

— А что, дядя, — бывало, спрашивал юный Святослав у своего воспитателя. — Говорят, что у язычников нет и не может быть веры?

— Почему?

— Как можно верить деревянным идолам? Деревяшка и есть деревяшка.

Мудрый Асмунд пояснял:

— Побрякушка и крест делаются из одного куска дерева, да только смыслом наполняются разным. Люди не умирают за раскрашенную деревяшку. Когда пленённый воин, несмотря на уговоры и угрозы, отказался отречься от своих богов, ему водрузили на живот пылающую жаровню и пережгли пополам — это ли не вера?! Примеров таких очень много. Человек умирал не за деревяшку — он умирал за святую веру, ради которой и жизнь отдать не жалко.

Оба глубокомысленно молчали.

Святослав представлял, как на его тело пристраивают горячую железную жаровню. И требуют отречься от веры. Не отрекись!

...Юный Святослав переходил от одного идола — бога к другому: прощался с каждым, просил у них благословения перед важным путешествием. И, может быть, в этот раз не боги успокаивали и обнадеживали его — княжича, а он их, потому что они оставались, а он уходил. Он покидал их на неизвестный срок — мало ли что может случиться в его отсутствие. При таком отношении матери к языческим богам, которым она перестала доверять. Он опять и опять возвращался к нахмурившемуся Перуну, сосредоточенному Даждьбогу, непривычно грустному Яриле, поникшему Святовиту, выглядевшему очень растерянно Роду. Он смотрел на них и мысленно проговаривал: “Памятью отца клянусь. Никому. Никогда я вас в обиду не дам”.

...Тут-то и нашёл Святослава главный воевода Свенельд.

— А вот и княжич отыскался! — спокойно и радостно объявил Ольге Свенельд.

“Отыскался, волчонок, — не оборачиваясь к сыну, подумала княгиня Ольга. — Воля Божия да будет. Аще восхощет Бог помиловати роду моего Земли Русския. Да возложит на сердце им обратится к Богу — якоже и мне Бог сие дарова...”

7

— Ну что? — с нескрываемой надеждой спросила Красава у Али. — Смирился отец или всё по-прежнему? — провела рукой по его виску, по щеке. — А ты похудел. Осунулся. Стал другим.

— Отец стал ещё строже, ещё суровее, — отвечал Али, пряча глаза.

А она, будто не расслышав его слов, продолжала гладить его, говорила: — Зачем? Не надо было так делать.

Али, испугавшись, осторожно снял её лёгкую руку и, зажав в своих ладонях, стал покрывать её поцелуями, потом упал перед ней на колени и стал просить прощения:

— Прости меня. Прости нас. Ты должна простить. Ты должна понять. Всё ты должна понять. Иначе...

Она не захотела слушать его дальше — испугалась следующих за таким страшным словом “иначе” ещё более страшных слов. Она накрыла его губы своей горячей ладонью, запрещавшей ему говорить дальше. Красава потянула его с колен, привлекла к себе, как будто не самого его — Али, а всю свою недавнюю счастливую жизнь, где царили любовь и согласие, крепко прижала к себе.

Оставшись в одиночестве у окна, Красава наблюдала, как по дорожке в сторону Долины Любви направляются двое — такие же молодые и крепкие, как она и Али. Это были её младшая сестра Млада и незаметно превратившийся в стройного юношу соседский паренёк Лель.

Взявшись за руки, влюблённые направлялись их дорогой, в счастливую сторону. Счастливые пары всегда похожи друг друга.

...— Как станем жить теперь, Али? — спрашивала Красава и в другую встречу, хотя сама догадывалась об ответе. И оттого ей делалось страшно — куда страшней, чем угрозы отца Али, который словно переродился. И откуда взялась в нём эта ненависть? Ведь за всё время знакомства их семей не было случая, чтобы он вёл себя подобным образом. Али тоже как будто подменили. Это уже не тот Али, с которым она хотела бы отправиться в Долину Любви, в заросли дурманящего чабреца. Да он и не вспоминает о тех прекрасных днях. О неземной любви. О приготовлениях к предстоящей свадьбе. А ведь день был уже в обеих семьях назначен.

Али озирался, беспокоился, говорил почти шёпотом:

— А тех, кто продолжает знаться с иноверцами... таких ждёт смерть... — Помолчав немного, он произнёс, сам, похоже, пугаясь собственных слов: — Мы теперь иудеи, люди самого главного на земле Бога. Он сам нас избрал среди прочих. Он назвал нас богоизбранными... Все остальные —

это получеловеки, гои — так их велено нам теперь называть. И никаких с ними общих дел у нас быть не должно.

Красава предчувствовала, что близка их последняя встреча...

8

Глазами юного княжича ненавистный Царь-град воспринимался как настоящий враг. Всё в нём было нехорошо. Вода залива, где пристали к берегу суда русов, выглядела неприветливо. Бесконечные красные крыши домов на византийском знаменитом берегу раздражали, потому что уж слишком напоминали разбрызганную повсюду кровь.

Находиться у этих мрачных берегов даже недолго не было никакого желания. Хотелось поскорее убраться отсюда восвояси, туда, где приветливое чистое небо, где повсеместно чистота и порядок, где стоит аромат краснощёких сосен и цветущих каштанов, где дышится вольно и не дают человеческое сердце вездесущие кресты, которые как бы запрещают, перечёркивают стремление всего живого вверх к небесам, к высокому бездонному, безграничному небу: “Только досель, до креста — а дальше — ни-ни...”

И оттого, что на всём тут как бы поставлен вездесущий, всё и вся ограничивающий крест, невольно пригибаешься, потому что во всём — одни только ограничения. Ощущаешь себя под их постоянным гнѐтом. Из-за этого обычные движения ограничены, чуть ли не связаны невидимыми путами, речь приглушена, желания укорочены, стремления стреножены, взоры тихи и безнадежны. Эдакий невиданный доселе для русов мир несвободы и неволя — полная противоположность тому миру, из которого они прибыли сюда, в эту темницу без окон и сплошных запертых на ключ дверей.

Там, где проходила до сих пор их жизнь, были свои трудности — такие и всякие, у каждого разные — но ощущение, но чувство свободы и независимости преобладало надо всем остальным. Ну, а уж двери все, куда бы они ни вели, постоянно были распахнуты. И только непогоде под силу было прикрыть их порывами ветра, или дождя, или холода... На родине человек, уходя из дома, иной раз навсегда — кто ж знает, когда ты вернёшься с войны, — так вот, человек этот оставлял на столе кувшин с водой, краюху хлеба и что-нибудь покушать для путников, — мало ли кто на своём пути окажется рядом с твоим домом. Двери русов никогда не знали засовов.

А тут, в какую сторону ни погляди — всюду запоры, засовы. Замки висячие, замки внутренние, всевозможные ограничения, тупики. Знать, есть что прятать от людского глаза. Город богатеев, толстосумов, скаредов.

Вот они и живут — нелюдимые, исподлюбные, всего сторонящиеся, словно бы напуганные чем-то раз и навсегда. А главное — ни в ком нет и намёка на желание изменить свою жизнь, сделать её хотя бы в чём-то похожей на ту, из которой прибыли сюда русы.

Хотелось хоть ненадолго увезти несчастных византийцев с собой и показать им, как могут жить люди — но нет, по их лицам хорошо видно, что не пойдут они никуда, потому что все движения их несчастных душ закованы словно бы в кандалы, а всё их несчастье в том, что они иной, раскованной, без запоров, замков и крестов, жизни даже не представляют. Сколько ни вглядывайся в прохожих, которые пришли поглазеть на русов, — не увидишь ни улыбки, ни громкого раскованного смеха, идущего из самой глубины человеческой души — прямо с её дна.

...В глазах же княгини Ольги вечный город, колыбель православия, выглядел совсем по-другому: весь он был залит солнцем, словно по заказу для прибывающих сюда, чтобы высвечивать всё великолепие находившихся тут в избытке православных храмов, согревать их камни и все подступы к ним — на тёплых дорожках и мысли рождаются тёплые, живые. И сам воздух желанного города, и воздух в храмах был напоён запахом веры... Всё здесь нравилось княгине Ольге, и даже земля, на которую она ступала, словно ластилась к её ступням, помогала шагать в любую гору, превращала любой путь в радостный и лёгкий.

А люди, живущие здесь — как она им завидовала! Им всегда доступна божественная красота. В каждом прохожем Ольга видела друга, единомышленника, брата или сестру по вере.

Посыльный наконец возвратился из города. Он принёс долгожданную весть — император Константин Багрянородный сподобился-таки принять русов во главе с княгиней Ольгой и её сыном и с охраняющей её всегда и везде личной дружиной, руководимой воеводой Свенельдом.

Отправились в главный христианский храм, возвышавшийся на самом высоком холме города. И сам храм имел вид холма, потому что был огромных размеров, словно подпирал небо. Холм на холме! Потому и необходимы были эти исполинские размеры: будь храм поменьше — и небо давно бы рухнуло...

Княгиня Ольга шла впереди всех твёрдой походкой. С гордо поднятой головой, расправленными плечами, глядя перед собой так, что перед ней расступались незнакомые ей люди — столько напора было во всём её облике, столько завидного устремления! Совсем недавно люди, похожие на этих, шествовавших сейчас по городу, прибывали щит на воротах Царь-града. То были тоже русы во главе с отважным князем Олегом — византийцы хорошо запомнили их. Но теперь русы идут с миром, чтобы принять здешнюю веру.

Константин Багрянородный был невысок ростом, едва дотягивал до плеча княгини Ольги. Короткие, изуродованные ранней подагрой пальцы, короткие руки. Он то и дело прикасался к стоявшей перед ним княгине — то до плеча дотронется, то коснётся её руки.

— Ты прекрасна, Ольга, — говорил император. — Хоть из варваров, из дикарей, но хороша... Что же ты так неласкова со мной? Дикарка! Не хочешь ли тебе съесть меня прямо сейчас? — Он попытался приобнять княгиню.

Ольга, в свою очередь, подумала: “Я говорю с ним на его родном языке... Выходит, не такие уж мы тёмные — язычники? И не будет ли тьма язычества поярче света христианства?”

А коротышка-император продолжал заигрывать с Ольгой:

— Ну что тебя сдерживает? — Он вплотную придвинулся к ней.

Она отстранила императора от себя сильной рукой:

— Мы разной веры... Чтобы обращаться друг с другом как-то иначе, надо, чтобы мы были с тобой одной веры. Не правда ли?.. Сколько мне ещё стоять в бухте, томить и себя и людей?

Константин заметил холодно:

— Ждала больше, подождёшь ещё.

Княгиня вскинула на него строгий вопрошающий взгляд.

Перед ней в это мгновение был не всемогущий и великий император Византийской империи, которая простиралась чуть ли не на полмира, а обыкновенный капризный, отвергнутый женщиной мужичок.

— Еще немного... Немного, — пробормотал Константин.

...Убранства крестильного зала ни в чём не уступали убранству и великолепию главного зала трёхнефowego храма, который потряс Ольгу великолепием и объёмами. Изнутри храм казался ещё больше, чем снаружи, и изумлял. Ольгу охватила дрожь, когда она проходила, сопровождаемая императором, в крестильные помещения собора. Они двигались мимо икон, таких же огромных, как и всё здесь под этими исполинскими сводами. Иконы были щедро украшены драгоценными камнями, щедро покрыты золотом, которое казалось в свете бесчисленных горевших свечей нескончаемым потоком.

Крещальня представляла собой небольших размеров строение в виде креста. Пол мозаичный, с рисунком, составленным из лоз с красными и чёрными гроздьями и изображением птиц. В центре — павлин с распущенным хвостом как символ вечности.

До Ольгина слуха донеслись громко произносимые и усиленные эхом слова священника:

— ...и отныне ты, Ольга, нарицаешься новоизбранным воином Христа Бога нашего...

Княгиня расправила плечи, ещё больше распрямила и без того прямую спину, гордо подняла подбородок. Ещё бы — она теперь, ни больше ни меньше — воин из ополчения самого Христа.

За её спиной в мраморных объятиях круглой купели колыхалась манящая чистотой и свежестью вода, приготовленная ради такого торжественного случая.

Патриарх, проводивший крещение, подошёл к Ольге настолько близко, что она вздрогнула. Он вдруг стал дуть ей в лицо, приговаривая:

— Изгони из неё всякого лукавого и нечистого духа, скрытого и гнездящегося в её сердце... Теперь повернись лицом на запад. Вот так... — Он легко коснулся локтя княгини и развернул её в нужном направлении. — Отрекаешься ли ты от сатаны, всех его дел и всех его ангелов, всего его служения и всей его гордыни?

Ольга ответствовала твёрдым тоном:

— Отрекаюсь!

— Повтори трижды. Отрекалась, отрекалась, отрекалась. И дунь и плюнь на него...

Ольга троекратно дунула и плюнула перед собой в знак презрения к сатане; одновременно это означало и начало войны с дьяволом.

Теперь её оружием будут: пост, молитва, участие в церковных таинствах. Ей предстоит сражаться со своими страстями, злом, кроющимся в её душе. Наградой за победу в этой борьбе будет вечная жизнь. Поражение же также будет вечным и будет состоять в нескончаемых муках в преисподней вместе с сатаной и его ангелами.

Священник зычным, настойчивым голосом продолжал обряд крещения:

— Сочетаешься ли ты со Христом?

Ольга с уверенностью произносила:

— Сочетаюсь.

А потом взволнованная Ольга расслышала слова, которые, казалось, удерживали купол храма надежнее, чем сами стены его.

— Крещается раба Божия Ольга во имя Отца, Аминь, — и она под сильной и властной рукой священника с головой оказалось под водой, — и Сына, Аминь, — и во второй раз голова Ольги, которая отныне в крещении становилась Еленой, погрузилась под воду, — и Святаго Духа, Аминь! — И в третий раз, едва успев набрать воздуха, она оказалась под творившей с ней чудеса водой...

— Мне страшно возвращаться к себе домой, в языческую землю. У христиан с язычниками не во всём понимание, — призналась Ольга.

Патриарх не дал ей договорить, перебил словами:

— Всё само собой обустроится. Закладной камень положен. Дело пошло. Да и не первая ты, и не последняя. Тут ваших побывало изрядно. А значит, с каждым днём священнослужителей в вашем крае только прибывать будет. Так что теперь тебе нечего бояться, Елена. Потому что с этого дня с тобой Бог, который всегда найдёт способ защитить тебя. Чаще молись! Да не забывай благодарить его. Мы часто обращаемся к Богу со своими просьбами. Гораздо реже благодарим Его за их исполнение. Примеров тому, как обходится Господь со своими праведниками, более чем достаточно.

Ольга слушала с напряжением.

— А ещё я тебе скажу... Трудно придётся твоему народу, видевшему себя в центре мироздания, дружившему с богами, перейти к осознанию бренности земной жизни. Они простые смертные... Но без этого новую веру не утвердить.

Княжич Святослав крещение для себя отверг. Он, казалось, раздражённо обрывал все нити, связывавшие его с матерью.

9

В лето 964 года великая княгиня Ольга передавала державу сыну своему.

На сбор, как того требовал обычай, собрались посадники, тысяцкие, конечные старосты, бояре, старшины всех областей, воеводы, дружинники и другой отличившийся тем или иным образом на всеобщее благо народ. Герои, впервые оказавшиеся в столь высоком собрании, терялись, боязливо погля-

дывали вокруг и больше друг на друга, чтобы перенимать жесты “бывалых”.

Раздались выкрики:

— Князюшка! Наш дорогой!

Все устремили любопытные взоры в сторону короновавшегося на власть юного князя. Народное море колыхалось, приходило в движение и исторгало из своих недр здравицы в честь восходившего на трон властепреемника.

Четыре могучих кметя выступили из рядов дружины Святослава и взяли в крепкие руки княжеский щит. Смущающийся Святослав взобрался на подставленный ему щит, опёрся на бритые головы воинов со свисавшими на разные стороны оселедцами. Те подняли щит над головами, и Святослав сделался виден с любого места. Многочисленные взоры впились в него со всех сторон. Сейчас люди увидели княжича в непривычном обличии...

Поднятый над головами Святослав проплывал над толпой. Кмети били мечами в кованые щиты — то был голос признания, веры, надежды, а может быть, даже любви к новому правителю. Оказавшись, наконец, на земле, Святослав был облачён в багряницу, переобут в червлёные сапоги (знак великокняжеского достоинства).

Святослав клялся на оружии. Клялся Перуном “ходить по вере и закону”. Клялся на словах “хранить любовь свою правую ко всем иже суть под рукою его, светлого князя, необлазно и непреложно, покуда солнце сияет и весь мир стоит, и быть щитом и оградой русским людям...”

Ревут трубы. Бьют барабаны. Мешают услышать драгоценные слова клятвы возносимого на самую верхотуру молодого князя. Колокольный гул разливался над головами, приглушая и заглушая раздававшиеся тут и там речи, словно скрывая — а вдруг кто непотребное выскажет, обронит неподходящее слово. Плывёт колокольный покров всё дальше и дальше от праздничного места, чтобы обеспечить ту же заботу и на всех остальных живущих в державе... Пусть говорят, что хочется: всё одно не пересилить человеческому голосу колокольную мощь. Гудут трубы-рога. Нет ни одного била, чтоб не вплело свой голос в общий хор народного ликования.

— А ты почто не величаешь?

— Я-то?

— Ты-то.

— Величаю. Как же не величать.

— Тогда давай вместе: “Здравствуй, государь Князь Святослав!” Вот так-то оно лучше. А то говоришь — величаю, а не слышать...

Трапезничали в честь восхождения Святослава на престол в тот жаркий летний день не в княжеском тереме, не в пирной зале, а прямо во дворе. Для чего повыносили из покоев рубленые столы да лавки и установили их прямо под чистым небом, под горячим солнышком.

Столы ломались от яств — челядь расстаралась по такому случаю и теперь стояла поодаль довольнёхонькая. Сложив достойно отработавшие руки на груди, поглядывая в сторону гостей, с нетерпением ожидавших начала долгожданного пиршества. Перехватывали удовлетворённые взгляды хозяйки пира — великой княгини Ольги. На этот раз в собрании были и бояре, и купцы, и воеводы, и отличившиеся дружинники.

Всем было весело: ещё бы! власть менялась! А что может быть на Руси лучше, веселее!

10

Этот монашествующий воин, этот неугомонный, коварный и хитрый лис Никифор Фока ворвался в царственные хоромы, как метеорит в курятник. Фока — со вчерашнего дня, ни больше ни меньше — новый император Византийской империи, перебуровил в ней всё и вся после непродолжительного правления в ней внуха Иосифа Вринга. Это правление больше напоминало гниение, чем жизнь, и слава Богу, ему пришёл конец. Фока использовал — хитрец! — сложные отношения, сложившиеся между Святославом и матерью княгиней Ольгой. Говорил Святославу: “Не докучай матери лишний раз и не

мозоль ей глаза своим присутствием, поселись в законных землях Болгарии, принадлежащих тебе по материнской линии — около Добруджа, там находится твоя родовая земля, Тутраканское княжество”. О той земле Святослав благополучно позабыл уже, занятый то бесконечными военными походами, то приготовлениями к ним.

Перехитривший сам себя Никифор Фока ликовал. Ещё бы! Он сделал Святослава, с его расплывшейся по земным пределам славой непобедимого воина и его не менее знаменитой дружиной, грозным орудием в своих руках. Это ли не успех! Ведь не уговори он Святослава — пришлось бы самому воевать мисян (болгар). А с ними воевать непросто — не один из предшественников Фоки на императорском троне Византии сломал себе шею в горных теснинах по Дунаю. Таким образом он и силы свои берёг для более важных дел и сковывал любые движения царя Петра, которого не ненавидел только разве спящий болгарин. А самое главное — Фока прибирал к рукам набиравшего славу сына Ольги.

А пока Никифор Фока потирал руки и переполнялся чувством гордости за свою способность ловко управлять империей, на другом берегу Понтийского моря князь Святослав уже обдумывал подробности своего похода на Болгарию. Предложение Фоки о переселении его из стольного града Киева, в котором ему день ото дня становилось всё сложнее уживаться с матерью, пришлось ему по душе. Но и своя голова соображала ничуть не хуже, чем у Никифора Фоки. Святослав решил: вся Болгария, как того захотел Фока — не его дело, и пусть венценосец великой империи сам задумается об этом и поднимает своих соотечественников. Да и надо помнить, что от Болгарии до Константинополя всего два дня пути. Хватит проливать кровь за осуществление планов византийских императоров. Не раз и не два приглашали они доблестных русов принять участие в сражениях, которые ничего не прибавляли к чести русских воинов — разве что славы, которой у них и без того хоть отбавляй.

Святослав так и решил — драться и завоёвывать будет только то, что ему самому необходимо — земли Тутраканского княжества. На них у него есть все права.

Флотилия из многочисленных челнов (Святослав решил покорять болгарскую землю с воды) передвигалась к намеченной цели только в тёмное время суток, с особой осторожностью. Таились настолько, что приглушали как могли биения собственных сердец... особенно когда чёлн проплывал мимо берега, с которого доносились людские голоса. В такие минуты гребцы приподнимали вёсла над водой, и челны катились сами собой, с набранной до того скоростью. Тогда даже капли воды, сыпавшиеся с сырых вёсел, казались громовыми ударами... Голоса на берегу стихали, и вёсла, словно зажавшись своего часа, вновь врзались в толщу тёмной воды. Разговаривать разрешалось только днём, когда, схоронивши челны по затонам и затокам, в густых ситниках или камышах, люди выходили на берег и готовили пищу, молились берегам, приводили в порядок доспехи и оружие, готовили всё необходимое для дальнейшего похода.

— Далече ли до цели, княже? — спрашивали у Святослава особенно любопытные.

— Чем ближе подплывём к Переяславцу — тем больше из нас останется в живых... — отвечал князь.

И снова воцарялась настороженная, тревожная тишина. Привыкшие к ночному безмолвию, люди и днём скупались на слова и делали свои дела молчком. Потом была пища, а за ней заслуженный сон. И только глаза зорких сторожевых не запахились ни на мгновение: земля чужая, и неизвестно, чего от неё ждать, кто затаился за ближайшим кустом — поди знай. Вся надежда на наитие, посредством которого общается с воинами Судьба.

...Так нападает барс, раззадоренный, раздражённый, распекаемый страстью и измученный долгими приготовлениями к главному броску. Святослав делал расчёт: под покровом густого предраассветного тумана подкрасться к спящему лагерю противника. И — бросок!

Ничего не подозревавшие, застигнутые врасплох болгары, просыпаясь

уже на ходу, рассыпались в разные стороны, бросая на бегу оружие и доспехи. Перехитрил князь Святослав — недаром слава о нём разошлась по свету, и одно упоминание его имени наводит страх и на ромеев, и на печенегов, и на древлян...

Вот теперь настала очередь и болгар. Они мечутся по берегу в исподнем на глазах у торжествующих русов. Судьба на стороне дружинников князя Святослава.

Победа!

Теперь можно было спокойно добраться до Переяславца на Дунае — путь к нему, а значит, и к новой самостоятельной жизни для Святослава был свободен. До желанного места в болгарской стороне — рукой подать. Хорошо! И солнце ярко и приветливо светит. Тоже хорошо! И всё, казалось бы, было кругом князя Святослава хорошо. Но почему же он такой грустный и явно недоволен собой? “В чём дело?” — задавали вопрос каждый себе и друг другу участники боевого похода.

Разгадка пришла сама собой. Вечером у костра Святослав открыл свои думы дружине:

— Больше таких побед мне не надо. Не пристало русам нападать на беспомощных. Сражаться следует на равных. Невелико умение — напасть на спящих людей. Будто коварный, бесчестный тать... Тать — ночная тварь. И я вот расписался в своём коварстве и подлости. Невелика слава расправляться со спящими... Надо постигать военное искусство! А мать узнает, подумает — не воины, нет — чистые звери. Те тоже промышляют по ночам. Вообще, чем тварь подлее, тем больше ей необходим покров ночи. Наверное, у печенегов такие тёмные лица, потому что их ночь выкрасила. По их делам и цвет. А как же мы отважились на несправедное дело? Очень хотелось победы? Да разве ж это оправдание?

Устроившись в Переяславце, князь Святослав был бы счастлив и спокоен, если бы не послания с Киевской земли.

“...Ты, княже, чужезя земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабив (оставил), малы бы нас не взяша печенези и мать твою и дети твои; Аще не поидеши и блюдеши, ни оборониши нас, да паки ны возмуть, аще ты не жаль отчины своя, ни матери стары суца, и детей своих...”

Или вот такое:

“...чужих ища, своя погуби”.

“Погреб (похоронив) мя, иди куда хочещи...”. То было послание матери. Святослав отзывался на материнские призывы.

II

Святослав подошёл к матери. Ничуть не смущён, решителен и прям во взоре:

— Наслышан о твоих походах в народ, о твоих рассказах простым людям о преимуществах твоей веры.

Ольга согласно кивнула: что ж отрицать очевидное и хорошо всем известное.

Сын продолжил, показывая матери рукой на простирившуюся перед ними тропинку, на которую они вышли из княжеского терема.

— А рассказываешь ли ты простым людям, что языческая вера научила их общению с природой? Люди погружены в простую жизнь, какая устанавливается самой матерью природой. Человек любит природу и одновременно боится её. Человек ждёт восхода Солнца и очень рад, когда оно восходит... Разве ж не хороша та жизнь, в которой всё светло и понятно? Да неужели же наскучило Солнце Боженькой называть? Да большинство из произносимых нами слов напоены солнечным светом. А ты хочешь выскоблить из языка этот свет. Да ты понимаешь, на что ты замахнулась?

Ольга стояла перед взволнованным сыном, словно виноватая школьница перед строгим учителем. Это ведь не первый был разговор на колючую тему. Так и на этот раз последовал тяжёлый вздох матери:

— Пора учиться строить отношения не только с природой, но и друг с другом... Нельзя идти к матери природе с нечистым сердцем. Рано или поздно природа отвернётся от человека, не наполнившего душу покорностью и терпением. Где этому учиться, а? У кого? — Теперь уже Ольга строго вопрошала сына: — Не у самой же природы. Хотя она и преподносит лучшие образцы отношения к себе и к людям, но каждый ли разглядит эти наставления? Лучше христианской веры для этого ничего не придумать. Я в этом твёрдо убеждена. Человек — высшее творение Бога. И лучшая книга наставлений — Евангелие... Чем и как встречать новорожденного. Чему наставлять взрослеющего дитя. Как без отчаяния и тяжёлых сомнений прожить человеку лучшие свои годы. Чем облегчить свои каждодневные труды. Что выбрать для радости и веселья. Как обратиться к Богу в трудные минуты недуга и хворей, как телесных, так и душевных. Как правильно построить семейный очаг. Содержать хозяйство. Как содержать тело своё, душу и сердце в чистоте и опрятности... Кого называть другом, а кого врагом, и что необходимо делать со своим врагом, с врагом отечества, с врагом Бога. Как почитать родителя своего и ближнего. Какими силами бороться с искушением.

Святослав слушал мать со вниманием. Потом они расходились каждый по своим делам. Оставаясь каждый при своём.

“И чего упрямится? — досадовала Ольга. — Язычество показало, на какие жертвы мы готовы ради богов, христианство — на какие жертвы боги готовы ради людей”.

Ольга с огорчением вспоминала, с каким рвением Святослав рвался каждый раз из дома на сражения, на жестокие битвы. Выходит, на полях сражений, где в любую минуту он мог погибнуть от вражеского меча, ему лучше, чем в родном доме, рядом с матерью. И уж совсем последнее дело: узнавать от людей, не от самого сына, что у него большая семья, что последний сын — Владимир — прижит им на стороне от служанки-ключницы хазарского происхождения. В другие бы времена это ничего не значило, но сейчас, когда хазары на глазах у всех переродились, приняли иудейскую веру и озлобились на весь белый свет, решение Ольги было твёрдым: “Сослать соблазнительницу в сельцо Будотино на покаяние. С ней — с блудницей — сын её преступает заповеди!”

Княгине Ольге хотелось бы не от людей, а самой услышать от сына о ходе переговоров с вызванным из Европы православным священником, на хвалёное усердие которого переманивать людей из одной веры в другую княгиня возлагала большие надежды. Прибыл известный человек — немец Адальберг. Кто же не знает уверенного в своих победах миссионера Адальберга! Но и он, как сказывают, не продержался и нескольких минут. Говорят, что спора даже не случилось, потому что Святослав, всего повидавший в своей бурной воинской жизни, сразу спросил знаменитость:

— Какая есть необходимость в том, чтобы собирать разных людей в обезличенное стадо? Понимаешь ли ты, на какой опасный путь вы нас толкаете?

После таких слов Святослава Адальберг резко развернулся на высоких каблуках (был невысокого роста и, как все низкорослые, обидчив сверх меры) и покинул место несостоявшихся споров. Святослав сразил вдогонку латинянина издёвкой:

— Как можно проповедовать христианские истины человеку с именем, в котором присутствует “ад”?

Барс-Святослав, и на этот раз одержав победу, раздумчиво спросил себя: “Сменить веру? Да меня и дружина не поймёт. Того и гляди — на смех подымут. Ещё чего не хватало!” А ещё подумалось князю, глядя вслед поспешно удалявшемуся “святиле”: “Почему бы христианам не поставить своего идола среди наших языческих богов в капищах и молиться своему богу вместе с нами? Почему они этого не хотят? Ведь это было бы по-людски, по-братски. Это сплотило бы людей разной веры. Особенно там, где без такого единения не обойтись — в боях, в походах. Так ведь не хотят. Им подавай всё, или они станут добиваться своего силой, казнями и кознями...”

Святослав всё реже появлялся в Киеве. Жил почти безвыездно в любимом Переяславце на Дунае и считал после своих завоеваний этот городишко

настоящим центром славянских земель, простиравшихся чуть ли не от стен Царь-града до Новгорода и до самых восточных окраин — до Хазарского каганата и Дикой степи.

“Всех утихомирил, — думал Святослав. — Отбил охоту зариться на русские земли... После стольких походов даже печенеги теперь мирные. И кривичам досталось. Так что на Руси всё спокойно. Спасибо тебе, Перун! Слава тебе! Теперь место моё в новой столице — Переяславце Дунайском. Отсюда я и начну строить новую русскую державу на глазах у изумлённой Византии. А станет мешать — превратится в щебень...”

Однако из Киева шла депеша. И снова: “чужих ища, своя погуби”. И снова Святослав предстал перед матерью:

— Ты всё о своём Боге, которого око недозрит, ум недомыслит? Ты всё про свой рай? Там всё правильно. Нет ни зла, ни нечисти...

Княгиня Ольга перебила сына:

— Хазары стали часто надоедать. Не столько грабежами, сколько унижениями. Попрёки оскорбительные, укоризны. Русов гоями называют, то есть и не люди вовсе.

— Гоями? — переспросил Святослав. Сдвинул от негодования густые брови к переносице.

В голове у Святослава сам собой выстраивался план: “Все три ряда войск хазарского бека Иосифа пробью секироносцами. Слева и справа от них поставлю ряды пещцев со щитами, а по окрыльям пойдут конники; справа — росы, слева — печенеги. Секироносцы на самом острие русского “клина” сметут хазарскую конницу, а в борьбе “грудь на грудь” мои одолеют любого”.

В нём опять проснулся барс.

12

Али и его сотоварищи-рахдониты взяли себе в соучастники тёмную ночь, ставшую им надёжной подругой в походах.

Ветки хлещут их по щекам, пугают ночные птицы, земля подставляет им под ноги колдобины и провалья, скользкие останки деревьев и окаменевшие пни. Видать, сама природа-мать препятствует тому, что задумали продвигающиеся в безлунной ночи свергающие хищными глазами люди. И шарахается всё живое от них в разные стороны, уступает им дорогу. Филины срываются во тьму, ухают в потёмки, освобождая путь сильным мира тёмного...

Потянуло человеческим жильём. Ещё и ещё раз втягивали терпкий воздух хищники, наостряли уши, прислушиваясь к каждому звуку. Подошли к бревенчатому дому, обнесённому высоким плетнём. Вошли бесшумно во двор: калитка не заперта. “Ох, уж эти русы! Когда они научатся жить по-человечески...” Хищники, не видя друг друга, улыбнулись кривыми улыбками. Теперь — за дело.

Двери в сени также не были заперты на засовы. Снова на лицах — зловещие улыбочки: “Будто сами приглашают к себе в дом. Знали бы они, сколько стоит их красавица дочь... А им, гоям, всё равно. Заходите, берите, люди добрые...”

Добрые и недобрые — все входят в дом одинаково. Поди разберись. Хозяйка не успела и рта раскрыть, как оказалась связанной по рукам и ногам, с тряпкой во рту. Вот и хозяин на полу, связанный и безголовый — с кляпом. А вот в руках хищников изворачивается их дочь. Они слышали про такое злодейство, про похищения людей хазарами, но никогда предположить не могли, что это коснётся их семьи.

Лиходеи действовали стремительно. Наторевший в деле Али ловко скрутил пленницу, подхватил на плечо и вынес прочь из дому — в ночь... Али и не думал, что в ту же ночь такой же рахдонит подхватит на плечо связанную по рукам и ногам девушку по имени Красава.

Али был не единственным, кто полюбил ночь и взял её в соучастники.

Прибывавшие из стана врага разведчики приносили новые, обескураживавшие сведения. Разведчики говорили о полном упадке новоиспечённой “нации”.

— Как ты считаешь, Угрим? — спросил Святослав, кивая широкоплечему русому воину. — Ты у нас краснослов. В чём тут дело?

— Добрых когда-то воинов поела ржа иудейства. Они нынче обобраны иудейскими законёрщиками до нитки. Чтобы хоть как-то прокормиться, они пустились во все тяжкие. Правители обложили их налогами, поборами: вышел за дверь собственного дома — заплати, вернулся — опять плати... Суды бездействуют. Даже если ты прав, никогда этого не докажешь, а если и докажешь, тебе за это жестоко отомстят. У власти всегда наготове большой мешок для сбора разных податей. Что им “с дыма по голубю”. Теперь им подавай “с плуга по девице”, а то и — “с плуга по мечу”, чтоб, если что, и защититься было нечем. Вот на всех дорогах и лютуют любители лёгкой наживы. — Говоривший сочувственно посмотрел в сторону Хазарии, продолжил: — Никто из тех, кто был послан к хазарам изучать, как ведётся воинская подготовка, не могли отыскать ни одного лагеря. Всё быльём поросло. Не воинской учёбой заняты их головы.

— Что скажешь ты, Радислав? — продолжал расспрашивать лазутчиков князь.

Радислав отвечал быстро и коротко:

— Кто их просил быть столь легковверными? Зачем они так бездумно позволяют рушить мечети и строить на их месте синагоги? Нечестивцы они...

— Пока я жив, клянусь Перуном, — сказал Святослав, — не бывать такому на русской земле... Закончится ущербная луна, и выступим. Жаль только, что невинных жертв будет много. — А потом добавил, не скрывая раздражения: — Самое время поквитаться с хазарами за их коварство по отношению к русам. Не они ли перебили всех наших братьев, возвращавшихся с богатой добычей из Каспийского похода?.. Мы нападём там, где нас никто не ждёт. Мы не пойдём ни на Саркел, ни на Белую Вежу, где сосредоточены лучшие силы наёмников. Пойдём на север к буртасам и волжским булгарам, которые с радостью присоединятся к нам, потому что у них к хазарам давние счёты. Даже печенегов восстановили против себя новоиспечённые иудеи.

...По дороге в войско князя Святослава вливались всё новые и новые силы. То одиночки, недовольные страшным нашествием иудеев, то целые семьи, а то и поселения, посады, слободы целиком. Это шёл в княжеское войско простой люд. Ещё больше прибавлялось людей из земель, соседних с иудейской Хазарией. Ни кривичи, ни поляне, ни вятичи, ни волжские булгары, ни буртасы, в недавнем прошлом добрые соседи бывшей Хазарии, связанные с ней промыслами, торговлей, менами да и просто семейными узами, не хотели больше терпеть оскорбительных унижений от иудейской Хазарии.

Расчёт князя Святослава оправдался полностью. Начав боевой поход с севера, со стороны волжских булгар и буртасов, которые с радостью вступили в ополчение, князь следом приобрёл союзников кривичей, тиверцев, меря...

Со своим войском Святослав начал отгеснять так называемые хазарские войска к морю. Он не производил при этом никаких кровавых действий. Не слышно было ни шуршания летящих стрел, ни звона мечей, ни грохота колесниц, ни даже возбуждённого лошадиного храпа — всё было настолько спокойно и не похоже на войну, что люди с той и другой стороны приближались порой на расстояние вытянутой руки и переговаривались друг с другом.

— Давайте бой! — кричали с хазарской стороны. — Мы ненавидим вас!

— Так уж и ненавидите? — отвечали с русской стороны.

— Супротив друг друга стоим — значит, ненавидим.

— Не велено вас бить. Сам великий князь Святослав распорядился. А насчёт того, что ненавидите — так мы про то давно знаем. Только бросьте валять дурака. Лучше переходите на нашу сторону, потому что гнать вас

будем до самого Каспия. А вам даже поесть нечего. Давайте для начала идите к нашим кухням.

И бывшие иудеи махали руками, переглядывались друг с другом, а потом направлялись, голодные, к походным кухням в воинстве русов под одобрительные похлопывания и дружественные улыбки...

— Ешьте, ешьте, — говорили им бывшие добрые соседи, облачённые сейчас в воинские одежды войска Святослава. — Ешьте на здоровье. А там, глядишь, и в баньку вас сводим. Отмоем от иудейской веры...

По мере того, как противостоящие стороны договаривались на передних рубежах, в глубине иудейского войска происходили перемещения, расслоения и перестановки. Те, кто успел замарать руки в крови русов, поспешили уйти внутрь — поближе к иудейскому “ядру”; другие же, готовые раскаяться, молча направлялись совсем в другую — вражескую сторону, надеясь на снисхождение князя.

Скоро разделение хазар завершилось. Люди поняли, с кем им по пути, с кем — нет. Кто-то оставался в русском ополчении, кто-то возвращался к своим родным, к своему дому, к своему делу.

Замыслы, подсказанные богами Святославу, воплощались у него на глазах и вели к справедливому возмездию. После одного из ночных переходов русским войскам открылась затуманенная лёгкой дымкой даль и в ней Итиль — одна из столиц Хазарии. До Каспия оставалось совсем немного. Отважный Святослав всё явственнее чувствовал долгожданный запах солёных ветров, запах моря.

Для врага замыслы Святослава оставались загадкой. Вот уже море рядом. Что задумал русский князь? Иудеев вводило в панику обстоятельство, что у берегов моря не видать судов. Они надеялись договориться со Святославом, откупиться — вот и не озаботились заранее средствами для спасения. Кто ж думал, что до такого дойдёт, ведь столько золота в руках, а перед золотом целые крепости падают... Значит, Святослав захочет отнять у них золото...

Наконец, на врага двинулись воины с копьями, с луками, с обоюдоострыми мечами. Застоявшиеся было лошади дружно всхрапнули, зафыркали, предчувствуя привычную работу, и понеслись в опор.

— Дайте мне посчитаться с поганцами! — раздался над войском крик воина с седой головой. — За всех наших дочек! За мою Красаву!

Впервые за всю историю многочисленных битв князь Святослав направил коня в самую гущу сражения не для того, чтобы своим примером заразить воинов и победить врага, а, наоборот, чтобы унять льющийся через край народный гнев. Но людей, метивших врагу за поруганную честь, остановить было невозможно — их гнев был неукротим.

Лишь единицы иудеев уцелели на этом страшном берегу. Святослав подъехал к одному из таких. Его лицо было бледным, отрешённым. Губы шевелились, должно быть, он шептал молитву.

— Как тебя звать? — спросил князь.

Человек поднял тяжёлые веки, и на князя взглянули полные ненависти глаза.

— Меня зовут Али.

Князь понял, что перед ним переродившийся мусульманин.

— Да ты, как я посмотрю, больше иудей, чем они... — кивнул Святослав на поверженное иудейское войско.

— Да, я иудей. Я верую в нашего бога... Я не отрекаюсь... Мы ещё отомстим вам... Будьте вы все прокляты...

Святослав, обращаясь к своим соратникам, указал на пленного Али:

— Этот человек нам нужен. Он свидетель боя. Пусть именно он, не разувверившийся перед лицом смерти, расскажет всем, что нет больше на свете исключительных людей...

— Мы наслём на вас чуму безверия, — злобно шепнул помилованный пленник.

Святослав спешил к умирающей матери “на последний погляд”. Накануне прискакал от неё гонец, запаливший не одну лошадь — торопился, дабы сыну удалось свидеться с княгиней. И сейчас на своём скорбном пути Святослав обращался к всемогущим богам, просил их об одном — о последнем свидании с самым родным человеком.

Только сейчас, под тяжестью поздних прозрений и раскаяний, Святослав обращал всё больше внимания на попадавшиеся новые церкви, церквушки, церковки. И тем больше было православных крестов над куполами, чем ближе стольный град Киев.

“А ведь это материных рук дело! — думал Святослав, разглядывая очередную белокаменную церковку, устроившуюся на взлобке холма, сверкающую на солнце крестом. — Похожа на ребёнка в белых одеждах... Красиво!” Но тут же пришла на память угрожающая фраза оживившегося тюрка: “Мы нашьём на вас чуму безверия... Значит, он считает, безверие — самое страшное на земле?”

Наконец и Киев. Высокий земляной вал. Улица. Бабино торжище. Материн дом... Терем, на стенах разноцветная черепица.

Бывший волхв Стезя, облачённый нынче в священнические одежды, — он стал настоятелем первой на Руси православной церкви, построенной в честь святого Ильи Громовника, — встретил Святослава на ступенях терема. Сдержанными жестами поторопил Святослава — скорее к матери.

Окна в горнице матери занавешены. В красном углу под иконами в золотых окладах горят многочисленные свечи. Святослав узнал и подаренную матери странником иконку, которую она особенно берегла. “С неё всё и началось”, — говорила она не раз.

— Мамушка... — Святослав подошел к матери, лежавшей на смертном одре.

Ольга, пересиливая боль, улыбнулась сыну. Она всё-таки дождалась его. Теперь у неё была последняя возможность помириться с сыном, простить его, покаяться перед ним. Господь, к которому она все эти томительные часы ожиданий обращала свои молитвы, снизошёл к ней. Ольга и сейчас не забывала благодарить Господа. “Отче наш, иже еси на небесах. Да придет царствие Твое. Да будет воля Твоя”, — безмолвно шептала она.

И матери, и сыну не потребовалось даже слов, чтоб понять друг друга, услышать, облегчить душу покаянием. Желая поправить свисавший на лоб чуб, Святослав потянул руку ко лбу. Ольга глядела на сына, ей показалось, что он собирается перекреститься. С последней радостью она проговорила:

— Пр-равильно, сынок. Хочешь перекреститься — начинай со лба...

Княгиня Ольга навсегда закрыла очи.

Святослав зашел в покои усопшей матери. Здесь мать проводила последние дни. Он подошёл к столу, на котором лежала раскрытая книга. Святослав побежал глазами по строчкам: “...помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот твоих очисти беззакония мои...” Он заворожённо читал и удивлялся: насколько прочитанные им слова подходили для обращения к его богам! Насколько точно были подобраны они и насколько полно выразили бы его обращение и к Перуну, и к Роду, и Дажьдбогу...

И еще одна запись в раскрытой книге на столе поразила Святослава. Запись была сделана рукой матери. “...пыл, содейвающий взрослому юношею и дитятею старца преобразующий, обыкновенную душу в душу очарованную, изо всех сил стремящуюся преобразить мир в лучшую сторону. Таких людей кидают в огонь. Отдают на пытки, загораживаются ими, когда прихлынет враг. А они, выйдя из тюрем и узилиц, униженные, обруганные, упорно, паки и паки, спасают страну и снова по мановению надобности ввергаются в затворы и тюрьмы. Ибо в мирном бытии империи они неудобны и даже страшны...” А в самом низу страницы подчёркнутое несколькими линиями: “Господь и намерения лобзает”.

Святославу показалось, что всё, что он прочитал сейчас, относится и к нему. И пусть он пока не понимает до конца смысла написанного, но не зря

же приглянулись слова матери... А смысл этих слов рано или поздно откроется ему — люди помогут, жизнь подскажет, сердце услышит.

— Как ты думаешь, Стезя, что о нас скажут будущие люди? Которые придут после нас? Обо мне? О матери?

— Скорее всего, ничего хорошего. Или только плохое, — отвечал глубокомысленно Стезя. — Вы с матерью — первые, значит избранные. Твоя мать привела на Русь новую веру и постояла за неё. Тебя люди зовут Барсом, потому что ты первый, лучший воин. Но кому-то очень захочется встать рядом с вами. Слава и почёт первых чаще всего достается вторым, третьим.

Святослав испытывал угрызения совести: не всегда соглашался, не всегда доверял матери. От родного дома отстранился, избегал, как ему тогда казалось, бессмысленных споров о вере. “Надо было совсем не так вести себя с матерью”. Святослав опускал повинную голову и каялся, каялся. Как истинный христианин...

Снова заговорил Стезя, материн духовник:

— Случится идти на Царь-град — помни... Ты можешь разрушить главный город христианской веры, но ты не разрушишь его в головах и сердцах верующих христиан. Человек так устроен, что он всегда будет жалеть битого и ещё крепче утвердится в своей вере. Ты великий воин. Люди прониклись к тебе уважением. Но никогда не трогай чужих святынь...

15

В то раннее утро Святослав сквозь пелену тяжёлого сна услышал негромкие голоса людей, явно не принадлежавших к его окружению. Он вышел из княжеского шатра. Со стороны Днепра тянуло свежестью. Шум же, поднявший его с толстины, объяснялся просто: водой пришли незнакомые люди. Теперь они хлопотали перед открывшимися порогами, суетились, что-то обсуждали. По всему было видно, что делали они это не в первый раз.

“Рахдониты”, — определил Святослав.

Занятые своим делом, люди не замечали наблюдавшего за ними князя, препровождали свои ладьи через камыши в ближайшую затоку. В утреннем тумане они, должно быть, не видели и лагеря князя.

Вдруг, словно видение, среди людей, одетых в чёрное, появилась прекрасная юная дева. Лицо её было открыто и грустно, волосы собраны в тугой узел золотистыми косами на затылке, взор понур. Росту она казалась чуть ли не выше самого князя. Статная, прямая. И шла в утреннем тумане мягко, неслышно, будто плыла по воздуху.

Святослав невольно тряхнул головой: то видение или нет? Нет! Дева не была видением. Да неужто придётся сразиться с самим Богом, чтобы завоевать её? Святослав стоял зачарованный. Кто она такая?

Следом за ней шли другие женщины с опущенными головами.

“Да то ж пленницы! Рахдониты гонят русских красавиц в Венецию. На продажу...”

Из приставших к берегу ладей разбойники с нашитыми на рукавах шестиконечными звёздами выгоняли женщин-рабынь на берег. Ладьи волоком перетаскивались через порожистое мелководье. Потом пленниц снова загонят в ладьи, чтобы сплавляться по реке дальше. Устроить разбойникам бой — но у Святослава слишком мала дружина, почти все воины ушли куда со Свенельдом. Но в Святославе проснулся барс. Он ни за что не отдаст Деву в рабство!

Он прокрался по лесу, к густым зарослям опушки. Выждал миг. И как дикий зверь метнулся к толпе пленниц, выхватил среди них одну, избранницу! Крики, брань, погоня рахдонитов. Но след барса уже простыл... Кража пленниц — дело обычное: этим делом любили промышлять печенег, да и для разбойников невелико горе: одной рабыней меньше, одной больше. Надо двигаться вперед, к торжищу.

Добыча барса и впрямь оказалась несказанно хороша. Похитителя своего она не испугалась и была с ним естественно проста и открыта.

— Как звать тебя? — спросил Святослав деву.

— Не знаю, — отозвалась она, улыбнувшись кротко своему освободителю.

Теперь часто Святослав сидел напротив неё и слушал, как она пела любимую песню. Она выводила незатейливый мотив, прикрывая веки, наслаждаясь словами-звуками, передававшими непростое чувство.

*Ты спросил бы меня,
Чьего я роду, чьего племени?
Я роду ни большого, ни малого:
Мне матушка — красна Солнушка,
А батюшка — светёл Месяц,
Братцы у меня — часты Звёздушки,
А сестрицы — белы Зорюшки...*

А окончив петь, она улыбалась Святославу и проводила трепетной рукой по его лицу, по его плечам. Он прижимал её мягкую ладонь к своим губам, крепко обнимал певунью. Она прижималась к нему всем пылающим телом, будто желала навсегда прильнуть, раствориться в князе-спасителе. Но иногда дева в его объятиях вдруг начинала плакать, рыдать, испуганно отшатывалась от Святослава. Когда она плакала, сердце князя рвалось на части.

Прибывший в лагерь князя знахарь сказал, что состояние это вызвано у девушки рабством. Перед тем, как славянских красавиц сдать в Венецию — в центр работорговли, их основательно обрабатывали колдуны, поили зельем. Наложницы должны были напрочь забыть о своём прошлом. Снять злую ворожбу с пленницы может только тот, кто навёл эту ворожбу на красавицу деву. Ведьмин круг замыкается, и не найти, не отыскать виноватого в том, что дева, сидящая перед Святославом в походном шатре, отвечает на любые его вопросы, кроме самых главных: откуда она родом, кто её родители и, наконец, как её зовут.

Она и улыбается раздосадованному князю, и готова снова и снова ласкать его, но он печален, просит знахаря снять с возлюбленной чёрный наговор. Знахарь старается изо всех сил. В который раз произносит над головой девы заговор:

— Летит птица за моря, бежит зверь за леса, бежит дерево в дерево, мать земля в свою мать землю...

Князь с надеждой всматривался в лицо девы, но не находил в нём обнадеживающих перемен. Не помогли заговоры знахаря.

— Время — лучший лекарь, — сказал знахарь и откланялся князю.

Святослав внимательно глядел на деву-возлюбленную. А что, если у неё есть любимый человек, который разыскивает свою прекрасную избранницу? Может быть, он уже и на верном пути? Святослав даже испугался этой мысли. Что-то было в ней ошеломительное и истинное...

Время шло. Минула разноцветная осень, пала на мир зима; прошла перед глазами и она с оснеженными землёй и небом, с холодами... Первой капелью постучалась весна. В княжеском шатре не стихали слова заговора, предписанного знахарем. И князь, и дева произносили их на два голоса:

— Летит птица за моря, бежит зверь за леса, бежит дерево в дерево, мать земля в свою мать землю, железо в свою мать руду, так бы чёрная немочь бежала в свою мать тартарары...

— Как же всё-таки тебя зовут? — в тысячный раз спросил Святослав свою возлюбленную.

Дева опустила прекрасный взор:

— Разве не говорила тебе? — услышал он неожиданный ответ.

— Ну и как же?

— Красава меня зовут, Красава. Ты столько живёшь со мной рядом, поишь, кормишь меня и ни разу не спросил даже... А ведь ты очень добрый... На глаза князя выступили слезы долгожданной радости.

Весна вступила в права. Река взорвалась и пугающим, и приводившим в восторг ледоходом. Особое внимание Святослава привлекла берёзовая рощица на берегу реки. Верхушки деревьев даже при лёгком дуновении свежее-

го весеннего ветра заводили разговоры, перешёптывались меж собой и с самими небесами... В этом символическом единении виделось князю сравнение простых на вид, скромных белоствольных деревьев с самой Русью. “Это Русь, как эти берёзы, осуществляет высшее предназначение — соединять земное с небесным, простое — с горним... Поредет роща, и ослабнет эта кровная связь... Хранить надо Русь. Всеми силами оберегать! И рощицу эту белоствольную...”

16

По ранней, залитой туманом заре князь стоял и глядел на родной Днепр, на красавицы берёзы. Сердце переполняла радость за проснувшуюся от беспомысленства Красаву. И вот посреди радости пришло Святославу видение. Будто здесь, на этих перуных порогах, у покрытого, словно тайной, туманом Днепра, сам Перун и Один берут его на руки. Берут осторожно, как любимого сына, и поднимают его всё выше и выше. И вот уж купол неба близок, а Святослав всё поднимается над землёй.

И тут Святослав видит, как в рассеивающемся тумане показалась церковь. По всем приметам — Ильи Пророка. Которую мать построила. Купола синие, в белых звёздах. Кресты над куполами поймали первые солнечные лучи и сверкают ослепительным блеском.

Перун с Одним поднесли Святослава на своих руках ближе к храму, в окнах церкви стали видны находившиеся там люди, много людей. Священник перед ними читает молитву. Горят многочисленные свечи.

В священнике Святослав разглядел Стезю! Он служит службу. Стезя ходит перед алтарём, сильным, густым голосом вещает:

— Помните заступницу нашу княгиню Ольгу!

Тут видение отошло. Видать, могучие силы Перуна и Одина истощились... И вдруг сзади на Святослава обрушился сильный, болючий удар. Первый — огневой, пронзительный. Следом — второй, ещё более жестокий. Смертельные ножевые удары в спину наносили два человека. Они подло добрались к Святославу, когда он блаженствовал в своем радостном видении, и теперь будто два шакала, добравшиеся до раненого барса, ликовали и ещё сильнее и глубже убивали князя своими ножами.

— Будь ты проклят! — предсмертно услышал Святослав голос за спиной. Он узнал этот голос. Он узнал бы этот голос из тысячи. Это он, голос за спиной, прошипел однажды: “Мы наплём на вас чуму безверия...”

Святослав собрал все силы, чтобы обернуться и в лицо увидеть нападавших. Он обернулся, но так и не разглядел, кто был вторым. Он только с ужасом в последний момент понял, что это была женщина. Святослав так и умер, не опознав второго мстителя. Безжизненно он повалился навзничь и навсегда замер от хазарских ножей близ родного Днепра. Блик восходящего солнца застыл в его глазах.

Всему свидетельница, русская песня-заплачка, очевидица и сострадалица, пустила по свету обжигающие слова:

*Тогда Святослав воззрел на солнце,
В последний раз вздохнул он и рухнул как дуб...*

На суку старого дуба сидит старый чёрный ворон. Он слишком много повидал на своём веку. Но он не в силах говорить человеческим языком. “Карр! Карр!” — вот и всё, чем он может предупредить людей... А по Днепру в сторону Хортицы и Царь-града снова плывут ладьи. Первая — княжеская...

Время идёт неумолимо. И вот уже накатывает пора снова подсекать берёзы.